

Эту закономерность условно можно назвать парадоксом целевых (предложений). Объяснение находится в следующем: во-первых, придаточные цели «заряжены» сильной дозой сослагательности, материализованной частицей «бы», находящейся в составе целевого союза «чтобы». Присутствие сослагательности как бы нейтрализует значение реальности действия, как бы «снимает» эту реальность, что само по себе препятствует приобретению значений настоящего и будущего времени в прямом использовании и вынуждает пользоваться плоскостным вариантом данных времён (см. об этом в: [8, с. 200]); во-вторых, глагол в форме прошедшего времени, потеряв собственное значение, способен выражать только ирреальные действия [там же], наиболее подходящие для презентации целевых отношений.

8. **Никитевич В. М.** Грамматические категории в русском языке / В. М. Никитевич. – М., 1963.
9. Попутно отметим, что во многих случаях, когда придаточные амплифицируются с осложнением своей семантики значением времени, то зачастую такое осложнение сопровождается темпоральными конкретизаторами, в качестве которых выступают отдельные словоформы или даже словосочетания с темпоральной семантикой то ли прямого выражения, то ли опосредованного. В роли таких конкретизаторов чаще всего выступают наречия, способные лексически выражать значение времени типа «однажды», «завтра», «утром», «сегодня» и т. п. Однако «чаще всего» ещё не означает «всегда» или «обязательно», то есть это признак необлигаторного характера, а во многом субсидиарный, поскольку в выражении грамматического значения времени участвуют и другие конструктивные средства, не имеющие прямого отношения к процессу амплификации.

Надійшла до редколегії 12.02.08

УДК 811.161.1'373. 7

С. В. Евраева

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «ПРАВЕДНОЕ – ГРЕХОВНОЕ» В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

На матеріалі етимологічних та тлумачних словників російської мови досліджуються поняття «праведне» та «гріховне» у семантико-когнітивному аспекті, на матеріалі російських прислів'їв розглядається концептуальна реалізація опозиції «праведне – гріховне» у російській найвічній картині світу.

На материале этимологических и толковых словарей русского языка исследуются понятия «праведное» и «греховное» в семантико-когнитивном аспекте, на материале русских пословиц рассматривается концептуальная реализация оппозиции «праведное – греховное» в русской наивной картине мира.

Concepts *just* and *sinful* are studied in a semantic-cognitive aspect on the material of etymologic and explanatory dictionaries of Russian, as well as conceptual realization of opposition «just – sinful» in the Russian naive picture of the world (on the material of Russian proverbs).

Современные лингвисты всё чаще обращаются к изучению концептов как конструктов языковой картины мира того или иного народа, в том числе и русского. Такого рода исследования ведутся, как правило, в двух направлениях: первое – углублённый анализ одного или нескольких концептов, зачастую включающий сопоставление особенностей функционирования данного концепта в разных языковых картинах мира; второе – систематизация компонентов концептуальной систе-

мы отдельного языка, обоснование принадлежности той или иной единицы к разряду концептов в рамках данной лингвокультуры, а также выявление связей между компонентами системы.

Первый подход, несомненно, чрезвычайно важен на начальном этапе развития когнитивистики, и большинство отечественных исследователей работает именно в этом направлении: Л. Ю. Буянова [3], С. Г. Воркачѳв [4], Л. Г. Панова [11], Е. В. Сергеева [12] и др. Однако в таких исследованиях описание того или иного концепта даѳтся безотносительно к остальным элементам концептуальной системы русского языка. Поэтому в русской когнитивистике возникла необходимость дополнить имеющиеся исследования систематизацией знаний о концептосфере русского языка. Особое значение в данной работе имеют словари: первый в своем роде словарь Ю. С. Степанова [13], содержащий базовые, с точки зрения автора, концепты, а также «Антология концептов» [1]. Описание тематических групп русских концептов представлено в учебном пособии по когнитивной лингвистике В. А. Масловой [9].

Такой подход позволяет формировать целостное представление о русской языковой картине мира или отдельной ее фрагмента. Ведь специфика концепта заключается в том, что вне связи с остальными элементами концептуальной системы он утрачивает свою функциональность и смысловую полноту. С точки зрения языка, такая связь может проявляться в способности слова репрезентировать несколько концептов. В таких случаях ассоциативно-семантические поля данных концептов пересекаются.

Мы поставили перед собой **цель** описать закрепившиеся в толковых словарях русского языка и русских пословицах представления о праведном и греховном, а также на примере концептов *праведное* и *греховное* проиллюстрировать связь между элементами концептуальной системы русского языка, способность языковой единицы вербализовать разные концепты.

Материал нашего исследования был выбран не случайно. Одной из важнейших особенностей концепта является его способность выражать, а иногда и формировать ценности народа-носителя языка. В русской лингвокультуре эта способность особенно ярко выражена у религиозных концептов.

В. И. Карасик в статье «Культурные доминанты в языке» определяет ценности как наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения [7, с. 166]. Система ценностей отдельного человека, с одной стороны, имеет личный характер, а с другой – всегда культурно обусловлена. В упомянутой выше работе В. И. Карасика говорится также о том, что «ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями» [7, с. 167]. Для русской лингвокультуры идеологической основой формирования ценностных ориентиров этноса стало православие, центральными модальными категориями которого являются понятия *праведное* – *греховное*. С позиции православной этики русский человек оценивает явления действительности как хорошие или плохие. Причѳм в эту модальную рамку вписываются не только суперморальные, но и субутилитарные ценности. Эти явления отражены в паремнологическом составе русского языка, на материале которого и будет производиться наше исследование. Но для начала проанализируем словарные толкования понятий *праведное* и *греховное* (*грех*).

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (далее – ЭС) слово *праведный* даѳтся как производное от *правда*, которое в некоторых славянских языках получило значение *закон* и имеет общий индоевропейский корень **pravъ* со словами *правый*, *правильный* [15, т. 3, с. 352]. Таким образом, понятие праведности

изначально связывалось с представлением русского народа о правилах, законах человеческой жизни.

В толковых словарях это понятие характеризуется через противопоставление понятию *грех*. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (далее – ТСД) слово *праведный* фигурирует как производное от *правда* и определяется как «оправданный житием, правдивый на деле, безгрешный»* [6, т. 3, с. 380].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова (далее – ТСО) этому слову отведена уже отдельная словарная статья. *Праведный* здесь толкуется как «благочестивый, безгрешный, соответствующий религиозным правилам», а также «основанный на правде (во 2 знач.), справедливый (устар.)» [10, с. 576]. Тождественная дефиниция слова *праведный* (с тем же количеством значений) даётся в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСУ).

Из приведённых толкований становится очевидно, что в XIX веке представление русского народа о правде определялось религиозными догматами. Существование в рамках одной дефиниции сем «правдивый на деле» и «безгрешный» свидетельствует о том, что именно понятия *греха* и *безгрешности* формировали в сознании русского этноса модальную рамку «плохо – хорошо». Со временем в языковом сознании стирается связь понятий *праведность* и *правда* (в ТСО эта связь определяется как устаревшая).

В толковых словарях XX века происходит разделение этих лексем и «расслоение» значения слова *праведный*. В толковании слов, связанных с понятием праведности, уже чётко ограничивается сфера их употребления и подчёркивается принадлежность к религиозному дискурсу. Так, например, в ТСО *праведник* – «у верующих: человек, который живёт праведной жизнью, не имеет грехов» [10, с. 576].

В словарях XX – начала XXI вв. дефиниции таких слов сопровождаются стилистическими пометами «устаревшее», «высокое», «книжное», «ироническое». Например, в ТСУ слово *праведник* даётся с пометой «книжн. устар.» [14, т. 3, с. 691], а в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТС) – с пометой «ирон.» [2, с. 952]. Это свидетельствует об ограниченности употребления слова *праведный* и его производных в данный период.

Интересен тот факт, что семантический разрыв слов *праведный* и *правда* привёл к отсутствию у понятия *праведный* соотносимого с ним субстантива. В то же время слово *греховный* (или *грешный*, *грешной*) как характеристика действия или человека (через его действия) соотносится с предметным понятием греха. Это свидетельствует о том, что *грех* в русском понимании является понятием более конкретным, чем *праведность*. Его можно «брать на душу», «иметь» и т. п.

Этимологически лексема *грех* связана с *греть* в первоначальном значении «жжение (совести)». В ЭС приводятся также родственные ему славянские слова со значением кривизны [15, т. 1, с. 456].

В ТСД слово *грех* имеет несколько значений, только два из которых (в том числе, основное) объясняются с точки зрения религии: «поступок, противный закону Божию; вина перед Господом» и «беда, напасть, несчастье, бедствие, подразумеваемая: за грехи наши» [6, т. 1, с. 402]. Остальные значения, напрямую не связанные с религией, тем не менее являются производными от первого: «вина или проступок; ошибка, погрешность; более грешок, грешки», «грех денежный, беда, от которой можно отделаться деньгами», «в тесном знач. распутство» [6, т. 1, с. 402], а также производные от него существительные, прилагательные, наречия и глаголы, значе-

* Здесь и далее цитаты из ТСД приводятся в современной орфографии.

ния которых мотивированы значениями лексемы *грех*. Следует отметить тот факт, что грех в большинстве значений соотносится с виной перед Богом, вина же перед людьми именуется грешком (см. выше), то есть, по наивным представлениям, она менее значительна, является как бы небольшим грехом.

Толковые словари XX века иллюстрируют тенденцию к сокращению количества лексико-семантических вариантов у данной лексемы. Это объясняется культурно-политическими изменениями в жизни русского народа, в связи с которыми употребительность религиозной лексики значительно уменьшилась и, соответственно, некоторые из значений таких слов, как *грех* и его производные, исчезли. В частности, второе из приведённых выше значений. Другие же сохранившиеся значения либо утратили религиозную отмеченность, либо даются в словарях (например, в ТСО, ТСУ и БТС) с пометами «у верующих», «религиозное», «разговорное» и «шутливое», исключаящими данные лексико-семантические варианты из класса общеупотребительных слов. Более того, всё разнообразие значений, представленных в ТСД, в БТС сводится всего к двум: «у верующих: нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозных предписаний и правил» и «предосудительный поступок, недостаток» [2, с. 227]. Некоторые значения, присущие в XIX веке слову *грех*, к концу XX века вовсе исчезли, другие же унифицировались в один лексико-семантический вариант. С другой стороны, слово приобрело новые семы: «недостаток» и «связь греха с мыслительной деятельностью человека», что позволяет «переместить» понятие греха из предметно-конкретной области в область ментальную.

Таким образом, антиномичность категорий *праведное* и *греховное* заложена уже в их дефинициях: определение понятия *праведный* является апокрифическим, оно даётся через противопоставление понятию *греховный* (*грешный*). Это наталкивает на мысль о том, что в русском наивном сознании значение слова *грех* является более конкретным и прозрачным, чем его антоним.

Словарные значения слов *праведное* и *греховное* представляют понятийное ядро данных концептов, не исчерпывая всего разнообразия смыслов, которые они имеют в русской лингвокультуре.

В русских пословицах, собранных в словаре В. И. Даля [5], религиозная лексика представлена достаточно широко. В частности, многие из паремий содержат различные средства языкового выражения оппозиции «*праведное – греховное*». Чаще всего это косвенные вербализаторы, реже – прямые номинации (то есть непосредственно лексемы *праведное* и *греховное* и слова, парадигматически с ними связанные). Это объясняется конкретностью мышления «создателей» пословиц: осмысление абстрактных понятий происходит через наложение их на бытовую, а потому и более понятную ситуацию: «*На балалайку станет, и на кабак станет, а на свечу не станет*» [5, т. 1, с. 28]. Приведённая пословица иллюстрирует негативное отношение носителей языка к людям, которые заботе о духовном предпочитают праздность и пьянство. Символом праведного здесь является свеча, а греховного – балалайка и кабак.

Подобных примеров в словаре В. И. Даля достаточно много: «*Послал бог работу, да отнял чёрт охоту*» [5, т. 2, с. 13], «*Аминь, аминь – а головой в овин* (т. е. на распутство)» [5, т. 1, с. 33]. Приведённые пословицы демонстрируют различные способы реализации противопоставления праведного греховному. В первом случае противопоставляются общехристианские концепты, выражающие идею противоборства Бога чёрту (или Дьяволу, Сатане). Вторая пословица содержит один из русских символов распутства – овин. Таким образом, анализируемая оппозиция реализуется иносказательно, и в данном случае при помощи косвенной вербализации (а точнее, метонимического переноса) концепт *грех* приобретает яркую образность.

В русских пословицах находят отражение как общехристианские представления о праведном и греховном, так и исконно русские, присущие наивной картине мира русской лингвокультуры. Однако эти противопоставления не столь прозрачны, как в словарных дефинициях, здесь имеет место, скорее, контекстуальная антонимия.

В основе оппозиции *«праведное – греховное»* лежит общехристианское верование в существование в мире двух противоборствующих начал: Бога и ангелов с одной стороны, Дьявола и бесов (в русских пословицах чаще используется слово *чёрт*), а также языческих божеств – с другой: *«Ангел помогает, а бес подстрекает»* [5, т. 1, с. 30], *«Бог не Макешь (или: Мокошь, языческое божество), чем-нибудь да потешит»* [5, т. 1, с. 24], *«Бог с рожью, а чёрт с костром»* [5, т. 2, с. 328], *«Бог даёт путь, а дьявол крюк»* [5, т. 1, с. 30].

Интересно место в этом противостоянии человека. В некоторых пословицах человек относится к миру греховного: *«Кто богу не грешен, кто бабке не внук?»* [5, т. 1, с. 162], *«Правда свята, а мы люди грешные»* [5, т. 1, с. 155]. В других паремиях человек представляется пассивным существом, подверженным влиянию то Бога, то чёрта. Последнему зачастую делегируется ответственность за человеческие грехи: *«Послал бог работу, да отнял чёрт охоту»* [5, т. 2, с. 13], *«Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чернеца»* [5, т. 1, с. 30], *«Сказал бы богу правду, да чёрта боюсь»* [5, т. 1, с. 156], *«Первая жена от бога, вторая от человека, третья от чёрта»* [5, т. 1, с. 265]. Последний пример иллюстрирует представление русского народа о «промежуточном» положении человека между силами добра и зла.

Эта идея перекликается с представлением о человеке как существе, состоящем из греховного телесного и духовного начал: *«Что телу любо, то душе губо»* [5, т. 1, с. 238], *«Из одних уст и клятва и благословение»* [5, т. 1, с. 137], *«Правдой жить – от людей отбыть; неправдой жить – бога прогневить»* [5, т. 1, с. 121].

Возведение человека в ранг безгрешных существ нехарактерно для русской лингвокультуры. Исключение составляют пословицы, в которых инфернальным существам противопоставляются служители церкви (монастыря), однако такие противопоставления имеют сатирическую окраску: *«Радостен бес, что отпущен инок в лес»* [5, т. 1, с. 30], *«На чёрта только слава, а монах поросёнка съел»* [5, т. 1, с. 147], *«Видел волк зиму, а чёрт схиму»* [5, т. 1, с. 157], *«Шёл бы чёрт на свадьбу, да попа боится»* [5, т. 2, с. 275].

В целом приведённый анализ свидетельствует о том, что для русской лингвокультуры характерен интерес не к религиозным догматам, а к различным проявлениям отступления от них. Русские пословицы описывают далеко не все человеческие грехи, а лишь те из них, которые, как нам кажется, свойственны именно русскому человеку:

– пьянство, праздность: *«Смелым бог владеет, пьяным чёрт качает»* [5, т. 1, с. 210], *«Опричь хлеба святого да вина проклятого всякое брашно приедчиво»* [5, т. 2, с. 256], *«Загорелась душа до винного ковша»* [5, т. 2, с. 246], *«Пойдём в церковь! – Грязно. – Ну так в шинок! – Разве что под тыном пройти?»* [5, т. 1, с. 28];

– воровство: *«И вор богу молится, да чёрт молитву его перехватывает»* [5, т. 1, с. 125], *«Добрый вор без молитвы не украдёт»* [5, т. 1, с. 34], *«Не грешно что дано, а что силою взято, не свято»* [5, т. 2, с. 280];

– распутство: *«У кого на уме молитва и пост, а у него бабий хвост»* [5, т. 2, с. 132], *«Чётки на руке, а девки на уме»* [5, т. 2, с. 167], *«Венцом грех прикрыть. Была под венцом, и дело с концом»* [5, т. 2, с. 132];

– чревоугодие: *«Живота не копи, а душу не мори»* [5, т. 1, с. 79], *«Рада бы душа посту, да тело бунтует»* [5, т. 2, с. 253];

– неискренность в вере, ханжество: «Иной по две обеды слушает, да по две души кушает» [5, т. 1, с. 34], «Постись духом, а не брюхом» [5, т. 1, с. 27].

В пословицах находят отражение также и суеверные представления русского народа о грехе: «Гнездо ласточки разорять грех» [5, т. 2, с. 352], «В напрасне побожиться – чёрта лизнуть» [5, т. 2, с. 132], «Кто не октясь за стол садится, с тем ест и пьёт диавол» [5, т. 1, с. 26].

Итак, оппозиция «праведное – греховное» формирует в сознании русского человека систему ценностей, исходя из которой он оценивает окружающий мир. Подтверждением этому служат, во-первых, словарные дефиниции данных понятий, позволяющие отнести их к разряду аксиологических, а во-вторых, широкий спектр вербализаторов данной оппозиции в русских пословицах, свидетельствующий о её значимости для русского наивного сознания.

В русском наивном сознании противоборство двух полярных начал (Бога и Дьявола, греха и спасения, добра и зла) воспринимается как необходимое условие существования мира. Эта идея находит отражение в русских пословицах: «Не греша, не спокаешься; не спокаявшись, не помолишься; не молясь, не спасёшься» [5, т. 1, с. 31], «Ни праведный без порока, ни грешник без покаяния» [5, т. 1, с. 240]. Приведённые пословицы выражают характерное для русской философии (и русского сознания вообще) представление о том, что без греха человек не может в полной мере испытать духовное очищение. Именно поэтому в большинстве русских пословиц греху противопоставляется не праведность, а именно молитва и покаяние: «Супротив греха и покаяние» [5, т. 1, с. 163], «Давидски согрешаем, да не давидски каемся» [5, т. 1, с. 168]. Этой особенности русского характера посвящены многие из сюжетов произведений Ф. М. Достоевского.

Идея противопоставления праведного греховному реализуется в русских пословицах через такие концепты, как *Бог, Дьявол (чёрт, бес), грех, душа, спасение, священнослужитель*. В контексте семантико-ассоциативные поля этих концептов вступают в тесную взаимосвязь, придавая концептам новые смыслы.

Данное исследование также позволяет сделать вывод о том, что концепты (в частности, религиозные) представляют собой систему взаимосвязанных и взаимодополняемых единиц культуры.

Его перспективой является описание системы русских религиозных концептов и определение её места в русской наивной картине мира.

Библиографические ссылки

1. **Антология концептов.** – М. : Гнозис, 2007.
2. **Большой толковый словарь русского языка** / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. **Буянова Л. Ю.** Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации / Л. Ю. Буянова. – Режим доступа: <http://www.relga.rsu.ru>
4. **Воркачёв С. Г.** Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачёв // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 2001. – № 6. – С. 47–58.
5. **Даль В. И.** Пословицы русского народа : сб. в 2-х т. / В. И. Даль. – М., 1984.
6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : ТЕРРА, 1994.
7. **Карасик В. И.** Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // В. И. Карасик. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 166–205.
8. **Карасик В. И.** Оценочные доминанты в языковой картине мира / В. И. Карасик // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород, 1999. – С. 39–40.

9. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
10. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М., 1999. – 944 с.
11. **Панова Л. Г.** Грех как религиозный концепт (На примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка : Языки этики / [отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 167–177.
12. **Сергеева Е. В.** Лексическая экспликация концепта «Религия» в русском языке / Е. В. Сергеева // Политическая лингвистика. – Выпуск (2) 22. – Екатеринбург, 2007. – С. 151–165.
13. **Степанов Ю. С.** Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 992 с.
14. **Толковый словарь русского языка** : в 4-х т. / [под ред. Д. Н. Ушакова]. – М., 1935–1936.
15. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер ; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева] / [под ред. и с предисл. Б. А. Ларина]. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986–1987 гг.

Надійшла до редколегії 20.04.08

УДК 811.161.1'373.46

Л. А. Ким

Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры

ВОПРОС О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ ТИПА *БРУТТО-ВЕС* И *ВЕС БРУТТО* В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Розглядається питання про граматичну природу термінів з незмінюваним залежним компонентом; аналізуються численні наукові розвідки, у яких терміни зазначеного типу відносяться до складних або складених слів, або ж вважаються словосполученнями; обґрунтовується позиція щодо належності аналізованих одиниць до термінів-біномів (бінонімів).

Рассматривается вопрос о грамматической природе терминов с неизменяемым зависимым компонентом; анализируются многочисленные научные исследования, в которых термины отмеченного типа относятся к сложным или сложносоставным словам, или же считаются словосочетаниями; обосновывается позиция о принадлежности анализируемых единиц к терминам-биномам (бинонимам).

A question about grammatical nature of terms with an unalterable dependent component is regarded; numerous scientific investigations, in which the terms of the noted type are referred to compound or complex words, are analyzed; the position is grounded in relation to belonging of analyzable units to the terms-binomials.

Терминологические единицы, включающие в свой состав неизменяемые определители, составляют значительную часть новообразований в современных терминосистемах (см. об этом: [18; 22]). Одни из таких единиц относятся к расчлененным номинациям, ср.: *активны ностро, компонента Фурье, индекс АФРА* и т. д.; другие же представляют собой образования, характеризующиеся дефисным написанием компонентов, которые могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к определяемому слову, например: *брутто-аренда, СВЧ-техника, Фурье-компонента* и *кредит-авизо, договор-пари, процент-нетто*. И